

Существует риск возможной профессиональной деформации оперативного сотрудника. Практика показывает, что длительное осуществление одной и той же деятельности приводит к появлению ощущения особой усталости и даже сомнения в правильности выбора профессии.

Бессспорно, определенная деятельность накладывает отпечаток на личность человека и даже может менять его поведение. Не является исключением и оперативная работа. Особенности профессии не только не помогают сотруднику развиваться, но и способствуют его деградации как специалиста, изменяя характерные для него качества в противоположную сторону. В подобных случаях мы можем говорить о возникновении профессиональной деформации личности, которая может проявляться в бездействии или даже халатном отношении сотрудника к своим обязанностям, в произвольном толковании законодательных норм и ведомственных инструкций, мнимой убежденности в непогрешимости собственных действий, совершении преступлений с использованием своих служебных полномочий.

Причинами выгорания служат отрицательные факторы самой профессиональной деятельности и окружающей среды. У сотрудника вырабатывается стереотип поведения, вызванный особенностями его работы и доставляющий проблемы ему и окружающим. Оперативный сотрудник привыкает к особенностям работы и часто становится либо равнодушным по отношению к людям, либо, наоборот, раздражительным и нетерпимым, а порой и неоправданно жестоким.

По мнению специалистов, жизненно необходимо большое внимание уделять профилактике профессиональной деформации (выработке профессионального иммунитета, нравственно-психологической устойчивости), делая акцент на необходимости соблюдения присяги и общечеловеческих норм поведения; совершенствованию методов руководства подчиненными сотрудниками и формированию оптимального морально-психологического климата в оперативных подразделениях.

На основании изложенного мы можем сделать вывод о том, что раскрыть квалифицированное преступление без использования методов оперативно-розыскной деятельности практически невозможно, так как проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий является единственной реальной возможностью установления виновных лиц. Поэтому в своей основе действия оперативного сотрудника по борьбе с преступностью отвечают требованиям морально-нравственных норм, так как сама преступность является глубоко аморальной по своей сути.

АКТУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Современная юридическая наука представляет собой сферу человеческой деятельности, направленной на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний об общественных отношениях, закономерностях их возникновения, развития и прекращения. Практическую основу этой научной деятельности составляют сбор фактов, их постоянное обновление, систематизация и критический анализ, результатом чего является синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые общественные явления, но и позволяют установить их причинно-следственные связи, а также прогнозировать их дальнейшее развитие.

Задача науки оперативно-розыскной деятельности (ОРД) состоит в том, чтобы, используя универсальный метод познания, а также общенаучные методы, глубоко исследовать закономерности, складывающиеся в сфере ее интересов, в целях развития науки и гармонизации законодательства, регламентирующего систему противодействия преступности, а также безопасность общества и государства. С этой точки зрения ОРД можно рассматривать как специфическую систему правовых, организационных, социальных и финансово-экономических отношений, создаваемых для решения конкретных задач противодействия преступности уполномоченными государственными органами (оперативными подразделениями).

Научная разработка проблем ОРД в современных условиях ведется в рамках уточнения и совершенствования дефиниций в законодательстве. Научное определение ОРД, закрепленное в Законе Республики Беларусь 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», создало актуальные направления для развития общественных отношений в сфере противодействия преступлениям.

В настоящее время ОРД определяется как деятельность, осуществляемая с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно. Приведенная конструкция, если понимать ее как набор обязательных признаков, однозначно показывает, что ОРД неразрывно связана и отождествлена с проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), более того, они и отношения, складывающиеся при их проведении, и есть ОРД.

В этой связи ОРМ, как юридически оформленное понятие, находясь в состоянии взаимодействия с юридическими понятиями уголовного и уголовно-процессуального права, должно иметь тенденцию к унификации либо гармонизации. Научная разработка может вестись по уточнению либо совершенствованию дефиниций в законодательстве; по процедурным вопросам в рамках уголовного процесса с целью использования полученных в ходе проведения ОРМ материалов в качестве источников доказательств.

Относительно законодательного оформления ОРМ следует отметить следующее. Ряд формулировок, обозначающих название мероприятий и их содержание, отражают узко профессиональный интерес в законодательской сфере. Так, в настоящее время имеются предложения о совершенствовании оперативно-розыскного законодательства в части «получения оперативной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи и используемых лицами, представляющих оперативный интерес как накопители информации... На таких электронных накопителях эти лица хранят номера банковских счетов, информацию об оффшорных зонах, движение неучтенного капитала, адреса своих клиентов...» [1]. В этой связи А.А. Будкевич предлагает новацию – самостоятельное ОРМ, именуемое «снятие (либо обнаружение, копирование) и преобразование компьютерной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи». Можно предположить, что автор размышляет в логике российского законодателя, который в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности дополнил этот перечень мероприятием, названным „получение компьютерной информации“» [2, с. 255].

Подобный подход к формулированию названий ОРМ и их дефиниций является дискуссионным в силу ряда обстоятельств: во-первых, в законодательство внедряются специфические термины, предполагающие неоднозначное толкование (снятие, получение, обнаружение); во-вторых, не прописываются способы получения информации; в-третьих, не понятен термин «компьютерная информация» в его криминалистическом и процессуальном значении. Список дискуссионных позиций можно продолжать далее.

По нашему мнению, есть и иной путь совершенствования законодательства – его гармонизация исходя из тех понятий, которыми оно оперирует и которые уже имеют легальное толкование. Этот способ разрешения противоречий основывается на учете формулировок уголовного закона. Например, в УК Республики Беларусь в ст. 349 говорится о несанкционированном доступе к информации, хранящейся в компью-

терной системе, сети или на машинных носителях, либо о перехвате информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи; часть диспозиции ст. 352 определяется как несанкционированное копирование, либо иное неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, либо перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи.

Следовательно, если действия и конечный результат в этом отношении понятен законодателю, то искомое название ОРМ логично формулировать как санкционированный доступ и правомерное завладение. Этот подход позволяет разрешать все сомнения о сути проводимого мероприятия, способах получения конечного продукта (данных), а также о способах исследования их достоверности, что при необходимости может оценить эксперт, следователь, прокурор и суд.

Предлагаемый способ гармонизации законодательства не претендует на оригинальность исходя из того, что нечто подобное существует в законодательстве европейских государств. Так, А.А. Трефилов пишет: «...характерной особенностью швейцарского законодательства является отсутствие обособленной оперативно-розыскной деятельности, выведенной за рамки уголовно-процессуального регулирования. По мнению законодателя этой страны, все действия, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступлений, имеют единые уголовно-процессуальные (криминалистические) корни, в связи с чем отсутствует необходимость в их дифференциации» [3, с. 274].

Относительно ОРМ «оперативный эксперимент» необходимо отметить, что формулировка ч. 1 ст. 34 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» звучит очень проблематично, особенно с учетом дефиниции ст. 396 «Инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа» УК. Следует признать, что используемое в ОРМ слово «эксперимент» не соответствует научному наполнению (это не метод познания, а некое вовлечение под контролем), а также уголовно-процессуальному пониманию эксперимента (когда в определенной обстановке проводится несколько опытов).

С нашей точки зрения, для понимания сущности оперативного эксперимента следует обратиться к отношениям, возникающим в процессе ОРД, в практике правоохранительной деятельности, например Литовской Республики. Так, в 1999 г. в рамках проведения ОРМ по изобличению в преступной деятельности (коррупции) работника прокуратуры сотрудники службы специальных расследований обратились к заместителю генерального прокурора с ходатайством о даче санкции на ис-

пользование имитационной модели уголовно наказуемого деяния (получения взятки), которая понимается как «совокупность действий, создающих элементы состава преступления, санкционированных в целях защиты интересов государства, общества или личности» [4, с. 221–222]. Эта формулировка решает проблемы отграничения санкционированных действий от провокации и подстрекательства к преступной деятельности и позволяет предметно понимать, какая именно модель и какого преступления будет создаваться, какие действия будут документироваться.

Такая перспектива совершенствования оперативно-розыскного законодательства относительно целей, задач ОРД, определений и содержания ОРМ позволяет гармонизировать отдельные положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства и эффективно решать задачи правоохранительной деятельности.

1. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления [Электронный ресурс]. URL: https://vimvd.ru/upload/iblock/734/вестник3_2016.pdf (дата обращения: 06.09.2020).

2. Будкевич А.А. О совершенствовании законодательства в области оперативно-розыскной деятельности // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А.В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. Минск, 2019. С. 253–256.

3. Трефилов А.А. Негласные следственные действия: опыт Швейцарии // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А.В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. Минск, 2019. С. 274–280.

4. Европейская конвенция по правам человека и уголовное правосудие : сб. материалов / под общ. ред. В.В. Филиппова ; науч. ред. А.Е. Вашкевич ; предисл. Т. Термачич. Минск, 2012.

УДК 343.985.8

А.О. Мартынов

ПРИЗНАКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблемам использования специальных знаний в научной литературе уделялось немало внимания. Понятие специальных знаний, а также особенности их использования изучались в основном в сфере уголовно-процессуального права и криминалистики. В то же время не-

которые аспекты определения признаков специальных знаний являются дискуссионными, ввиду чего целесообразно раскрыть их и в разрезе оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

В законодательстве Республики Беларусь нет единой позиции относительно того, какими знаниями должен обладать специалист. Так, в соответствии со ст. 62 УПК, ст. 4.8 ПИК_оАП, ст. 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) специалист обладает специальными знаниями; в ст. 71 ХПК Республики Беларусь указано, что специалистом может выступать лицо, обладающее необходимыми знаниями; ст. 24 Закона «О конституционном судопроизводстве» упоминает о специалисте как о лице, обладающем специальными познаниями; ст. 99 ГПК определяет специалиста как лицо, обладающее познаниями эксперта (эксперт, в свою очередь, обладает специальными познаниями). В то же время приведенные нормативные правовые акты Республики Беларусь не содержат легитимных определений рассматриваемых терминов, что, по нашему мнению, вызывает неоднозначность в их понимании, а значит, и использовании.

Как видим, наиболее часто в законодательстве употребляются термины «специальные знания» и «специальные познания». С целью разграничения рассматриваемых дефиниций целесообразно прибегнуть к их толкованию. Термин «знание» определяется как «результаты познания, научные сведения; совокупность сведений в какой-нибудь области» [1, с. 231], в то время как «познание» – «приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; совокупность знаний в какой-нибудь области» [1, с. 548]. Таким образом, знание представляет собой совокупность сведений в какой-либо области, в то время как познание – процесс постижения знания.

Одними из первых термины «специальные знания» и «специальные познания» сопоставили В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий. По их мнению, специальные знания представляют собой систему полученных ввиду практической и научной деятельности сведений, зафиксированных в научной литературе (пособия, инструкции, наставления и др.), специальные познания – полученные в результате обучения (теоретического и практического) определенному виду деятельности знания, а также необходимые навыки для осуществления такой деятельности [2, с. 4]. Мы считаем, что термин «знания» охватывает не всю совокупность сведений, а непосредственно ту их часть, которую субъект не только усвоил, но и может использовать, в то время как под познанием следует понимать процесс получения, обработки и применения этих сведений, т. е. знаний.